

Университеты и экономическое развитие Севера

Джон Ф. Янг (John F. Young)

Аннотация: Политическая сторона экономического развития в северных населенных пунктах, экономика которых основана на добыче полезных ископаемых, может быть осложнена широким набором проблемных тенденций. Данные тенденции выходят далеко за пределы реакций типа «NIMBY»¹ и «BANANA»² на проекты в области хозяйственной деятельности, и включают четко выраженный подход «мы против них», когда экономическое развитие зачастую понимается как управляемое эксплуататорскими интересами, внешними по отношению к местным сообществам, затрагиваемым экономическими проектами. Данная дискуссионная статья рассматривает вопросы относительно роли университета в экономическом развитии Северной Британской Колумбии в Канаде. Университет Северной Британской Колумбии (УСБК) расположен неподалеку от мест реализации различных проектов в сфере нефти и газа, добычи полезных ископаемых и гидроэнергетики. Разрозненные и конкурирующие интересы, как выступающие в пользу, так и находящиеся в оппозиции к проектам по разработке природных ресурсов, рассматривают университет как потенциального лидера или участника соответствующих инициатив. Рассмотрение вопроса о том, каким образом университет мог бы лучше работать с данными конкурирующими

¹ «Not In My Backyard» – «не на моем заднем дворе» - тип негативной реакции местных жителей на проект, при которой местные жители возражают против того, чтобы проект располагался по соседству. Зачастую такая реакция подразумевает, что противники проекта в принципе понимают его нужность, но не хотели бы видеть такой проект по соседству с местом своего проживания (прим. переводчика).

² «Build Absolutely Nothing Anywhere Near Anything» - «ничего нигде вообще не надо строить» - термин, критически описывающий позицию некоторых инициативных групп по отношению к хозяйственному освоению территорий, когда активисты негативно настроены по отношению вообще к любым предлагаемым инициативам по хозяйственному освоению (прим. переводчика).

интересами, даёт возможность глубоко изучить многие проблемы экономического развития севера. Данная статья является частью специальной коллекции кратких дискуссионных работ, презентованных на Семинаре Валлей (Walleye Seminar) 2014, который проводился в северном Саскачеване, и который рассматривал вопросы консультаций с местным населением севера и с заинтересованными лицами, и их участия в освоении природных ресурсов.

Введение

3 марта, 2014 года, Северо-Западный Колледж, расположенный в г. Террас Британской Колумбии (БК), объявил о получении скромной суммы пожертвования в 15000 Канадских долларов от компании Энбридж Нортерн Гэйтвэй Пайплайнз (Enbridge Northern Gateway Pipelines), для стипендии шести студентам. Пресс-релиз колледжа указал, что «многим людям по всей Северной Британской Колумбии не хватает высшего технического образования для работы в растущем секторе добычи природных ресурсов»¹. Колледж подчеркнул, что решение ситуации с нехваткой трудовых ресурсов – это общая задача промышленности, правительства и населенных пунктов. Менее чем через три недели после данного объявления, и после того как более чем 70 местных студентов подали на стипендию, совет правления колледжа решил вернуть полученные институтом пожертвования, вернул денежные средства обратно в компанию Энбридж, и решил пересмотреть политику колледжа относительно будущих пожертвований. Это отклонение пожертвования Северо-Западным Колледжем получило значительную огласку в местных новостях и широко обсуждалось в онлайн форумах.

Проект по строительству трубопровода Нортерн Гэйтвэй (Northern Gateway), который активно обсуждается, как публично, так и непублично, по всей Северной Британской Колумбии и за её пределами, оценен в 8 млрд. канадских долларов. На эти средства планируется построить трубопровод протяженностью в 1177 километров для транспортировки миллионов баррелей битума ежедневно из г. Брудерхайм (Bruderheim) провинции Альберта, до порта Китимат (Kitimat), и затем танкерами отправлять битум к Тихоокеанским рынкам сбыта². Трубопровод имеет ключевое значение для экспорта нефти из нефтяных песков севера Альберты и Саскачевана, и согласно проекту, должен принести приблизительно 300 млрд. долларов дохода в течении следующих 30 лет, из которых предположительно 75 млрд. долл. поступят в федеральную и провинциальную государственную казну. Проект трубопровода компании Энбридж, однако, является спорным по ряду причин. Кроме длинного списка потенциальных экологических рисков и угроз, имеется также ощутимая неприязнь со стороны многих оппонентов к самому продукту³. Местное население, особенно представители коренных народов, сомневаются, принесёт ли трубопровод какие-нибудь реальные выгоды на местном уровне. Кроме того, трубопровод пройдет по территориям, в отношении которых

существуют неурегулированные претензии на земли со стороны коренного населения, что создает дополнительные сложности. Вопросы юрисдикции также вызывают беспокойство на провинциальном уровне: от провинции Британская Колумбия требуется принять на себя основную часть экологических рисков в обмен на весьма незначительную, по мнению провинции, часть финансовых поступлений от проекта. Опросы общественного мнения показывают, что население Британской Колумбии разделилось в мнениях по поводу поддержки проекта: примерно одна треть «за», другая треть «против», и еще треть выступает за то, чтобы отложить строительство трубопровода до того, как будет проведена дополнительная оценка воздействия на окружающую среду, и будут даны соответствующие гарантии⁴. Северная Британская Колумбия демонстрирует разнообразие множества мнений как в поддержку, так и против проекта. Корпоративная реклама на телевидении подчеркивала внимание, уделяемое охране окружающей среды при планировании трубопровода, в то время как тысячи синих табличек на лужайках домов по всему северо-западу выражали категорическое неприятие проекта. В этом ракурсе даже скромный вклад компании Энбридж в поддержку студентов Северо-Западного Колледжа оказался связан с острым политическим противоречием.

Данная дискуссионная статья рассматривает роль университета в сложившейся политической среде. Хотя пример Северо-Западного Колледжа может показаться уникальным, в нем прослеживаются распространенные темы, связанные с экономическим развитием населенных пунктов, основанных на добыче природных ресурсов. Разрозненные и конкурирующие интересы, как выступающие в пользу, так и находящиеся в оппозиции к проектам по разработке природных ресурсов, рассматривают университет как потенциального лидера или участника соответствующих инициатив. Рассмотрение вопроса о том, каким образом университет мог бы лучше работать с данными конкурирующими интересами, даёт возможность глубоко изучить многие проблемы экономического развития на провинциальном Севере. Первым делом мы рассмотрим политический контекст Северной Британской Колумбии – не потому, что этот контекст уникален, а потому, что данная территория имеет много общего с другими северными и удаленными юрисдикциями, и знание контекста необходимо для понимания вызовов, с которыми сталкивается университет в поляризованной среде. Мы затем рассмотрим роль университета в экономическом развитии, сначала в общих чертах, а затем применительно к Университету Северной Британской Колумбии, и обратим внимание на то, каким образом его особенности сочетаются (или нет) с существующей литературой о роли университетов в экономическом развитии.

Обзор контекста экономического развития в Северной Британской Колумбии

Британская Колумбия гордится своим стойким статусом «провинции-донора» в рамках Канадского федерализма, однако показатель провинциального ВВП на душу населения на сегодня бледнеет по сравнению с другими провинциями-донорами, такими, как Альберта, Саскачеван и Ньюфаундленд⁵. Провинциальное правительство Британской Колумбии в Виктории не получает уравнивающих дотаций из Оттавы, и его экономический вклад выглядит средним среди Канадских провинций. В свете быстрого роста и экономических перспектив соседних Альберты и Саскачевана, провинциальное правительство Британской Колумбии определило природные ресурсы севера провинции в качестве ключа от экономического роста. Северные регионы в настоящее время обеспечивают четверть провинциальной экономической базы, но их доля может быть увеличена за счет дополнительных проектов по разработке природных ресурсов. Виктория в настоящий момент делает ставку на развитие нескольких мегапроектов для увеличения провинциальных доходов. Соответственно, растет озабоченность по поводу того, что Британская Колумбия рискует вернуться к экономической модели «развития фронта» 1950 - 1960-х годов, когда быстрое экономическое развитие и становление провинции было основано на правительственных субсидиях и дисконтированных ставках оплаты за пользование землей и водными ресурсами Короны. Такая модель развития в свое время вдохновила журнал Тайм на то, чтобы поместить на свою обложку премьера Британской Колумбии Беннетта (Bennett) в 1966 году⁶. Несмотря на ранний энтузиазм и рост благосостояния под руководством Беннетта, рост сменился падением, а социальные и экологические издержки такого развития были осознаны гораздо позже.

Противоречия, связанные со строительством трубопроводов, являются лишь одним из примеров серьезных вызовов, стоящих перед масштабными проектами экономического развития в Северной Британской Колумбии. Проект рудника «Нью Просперити» (New Prosperity) по разработке золотых и медных руд (1.5 млрд. канадских долларов) рядом с озером Уильямс (Williams), запланированный более чем два десятилетия назад компанией Тасеко Маинз (Taseko Mines), был в конечном счете аннулирован канадским федеральным правительством в феврале 2014 года после многомиллионных долларовых расходов, связанных с многократным проведением экологической экспертизы⁷. Компания Тасеко в настоящий момент пытается обжаловать решение в суде. Оппоненты добычи полезных ископаемых, включающие местное коренное население и группы защитников окружающей среды, обеспокоены сохранением среды обитания рыб, а также природы в окрестностях озера Фиш (Fish). В августе 2014 года случился прорыв вод из отстойника медно-золотого месторождения Маунт Полли (Mount Polley), в результате чего миллионы кубических метров загрязненной воды попали в озеро Квеснел (Quesnel) и основные водные артерии БК, что усилило опасения по поводу воздействия горной промышленности на окружающую среду⁸. Провинция собирается приостановить экологическую экспертизу других горных

проектов до дальнейшего изучения данного инцидента. Аналогично, предложение провинциального правительства увеличить производство гидроэлектроэнергии путем строительства третьей дамбы на реке Пис Ривер (Peace River) на северо-востоке Британской Колумбии (локация С) также столкнулся со стойкой оппозицией со стороны экологов и местного коренного населения. Проект стоимостью в 7,9 млрд. канадских долларов может выработать дополнительно 4600 гигаваатт-часов электроэнергии, дополнительно к более чем 16000 гигаваатт от первых двух дамб, расположенных вверх по реке, и построенных 1968 и 1980 году (Stueck and Hunter, 2014). Крупнейшей инициативой в сфере разработки природных ресурсов, однако, является инициатива по созданию отрасли по добыче сжиженного природного газа (СПГ), состоящей из более чем дюжины предложенных проектов, которые вместе оцениваются более чем в 35 млрд. канадских долларов частных капитальных инвестиций⁹.

Такие проекты встречают как поддержку, так и возражения со стороны местного населения. Здесь нужно подчеркнуть, что Северная Британская Колумбия не имеет единой общей идентичности. Провинциальный север Британской Колумбии включает около 22 городов и поселений с населением больше тысячи человек¹⁰. Многие из этих населенных пунктов имеют похожие географические характеристики, многие также связаны с определёнными отраслями промышленности, такими, как лесное хозяйство, горная промышленность, энергетика, или сельское хозяйство. Некоторые из этих поселений находятся в прямой экономической конкуренции за инвестиции с соседними населенными пунктами. Север Британской Колумбии также включает различные группы населения: местное коренное население, тесно связанное со своими традиционными землями, жителей в третьем и четвёртом поколении, чьи предки прибыли десятилетия назад чтобы либо заниматься скотоводством или сельским хозяйством, либо преследуя различные возможности, обусловленные добычей полезных ископаемых, а также недавних иммигрантов, ищущих новые возможности для трудоустройства в добывающей сфере или в сфере индустрии услуг. Часть населения в каждом из этих городов и в каждой из групп выступает в пользу экономического развития, ожидая, что такие инвестиции могут создать дополнительные рабочие места и принести экономическую и социальную выгоду для всего провинциального Севера. Критики таких проектов указывают на то, что эти проекты рассчитаны на максимизацию доходов, не связанных, или недостаточно связанных, с Севером, и что такие проекты создают долговременные экологические риски (Caou, 2013; Hunter и Bailey, 2014; More, 2012).

За исключением нефтегазового сектора на северо-востоке, Северная Британская Колумбия в течение определенного времени не отличалась активной экономической жизнью. Время раннего расцвета экономики в середине двадцатого века закончилось довольно давно, а перспективы лесного хозяйства больше не внушают такого же оптимизма и энтузиазма, как в прошлом. В северо-западных и

центральных регионах Северной Британской Колумбии текущий экономический рост является преимущественно спекулятивным и связан с колеблющимися ценами на природные ресурсы и потенциалом для увеличения экспорта при расширении портов в городах Китимат и Принц Руперт (Prince Rupert). Недавнее экономическое оживление плохо сочетается с реальным падением численности населения в большинстве районов Севера. На провинциальном севере Британской Колумбии в 1986 году проживало 11 процентов от населения провинции, доля населения сократилась до 7 процентов в 2011 году, и данный регион стал свидетелем снижения населения на более чем 10 000 человек (3.2 процента от северного населения) в периоде между 2001 и 2011 годами¹¹. Из четырёх областей на севере Британской Колумбии, только северо-восточная часть демонстрирует позитивный рост населения за последнее десятилетие. Именно в этом контексте планы провинциального правительства по обеспечению экономического роста посредством вливания инвестиций и продвижения развития провинциального Севера могут быть поняты. Север является ключом к перспективам Британской Колумбии на процветание.

Какова роль университета в экономическом развитии?

Почти 100 лет назад в работе «Высшее образование в Америке: Меморандум о поведении университетов при взаимодействии с бизнесменами», Торстейн Веблен (Thorstein Veblen) (цит. по Collini, 2012) описал роль университетов так:

В общем виде, место университета в культуре христианских стран до сих пор по существу остаётся таким же, каким было изначально. В идеале и в общем, он был и всегда будет корпорацией, созданной для культивирования и защиты самых высоких устремлений и идеалов людей (86).

Стремления и ожидания явно изменились за последнее столетие, в особенности учитывая, что, как нам говорят, сейчас мы живём в постхристианскую эру. И все же современные защитники университета утверждают, что обладают привилегией на особую среду, в которой они смогут преследовать самые высокие устремления и идеалы, даже если они не определены или не вполне совпадают с целями университета. А именно: каковы самые высокие устремления и идеалы человеческих сообществ? Экономическое развитие как самоцель? Возможно, ностальгия влияет на интерпретацию таких устремлений, как: сохранение, культивация, и передача культурных традиций, социализация гражданских ценностей, проведение исследований для совершенствования знаний и навыков (особенно медицинских и технологических), и социальная мобильность (Collini, 2012).

Можно процитировать Стефана Коллини, (Stefan Collini) (2012), выступающего в качестве «голоса» современных университетов, который занимает весьма оборонительную позицию, пытаясь оправдать цель университета: «мы осознаём, что мы кажется неактуальными или потакающими самим себе, но на самом деле мы вносим большой вклад в экономическое развитие, чем вы можете предположить» (87–88). Затем обычно представляются данные о том, что выпускники университетов получают более высокую зарплатную плату и / или показывается общая сумма денег, привлеченных университетом для проведения исследований. Со своей стороны, правительственные министерства стремятся к тому, чтобы университеты соответствовали планированию в сфере рынка труда, чтобы государственное финансирование высшего образования шло на подготовку работников для нужд экономики. Такие оправдания не всегда ошибочны или нелегитимны. Но они напрашиваются на вопросы относительно отношений между университетом и экономическим развитием. Некоторые объяснения выглядят как тавтология: правительство инвестирует денежные средства от выплаты налогов для финансирования университета, который возвращает обществу некоторую часть от тех средств, которые правительство получило от общества в первую очередь. Такое перенаправление финансирует рабочие места и создаёт новые возможности. Университеты действуют как экономический мультипликатор в тех сообществах, в которых они работают. Но является ли это экономическим развитием? Могут ли университеты продвигать и содействовать реальному экономическому росту в дополнение к простому перераспределению ресурсов?

Те, кто хотят ясно сформулировать роль университета в экономическом развитии пройдут дальше стандартных оснований и стереотипных данных насчет зарплат, затрат на исследования и государственных расходов. Они выдвигают на первый план то, как университет может привлечь и помочь удержать талантливых и квалифицированных людей на местах, включая международных студентов. Они фокусируются на университете как на мозговом тресте, который анализирует и оценивает государственную политику по важным для общества вопросам. Университеты могут культивировать и взращивать местные бизнесы, коммерциализировать исследования и быть партнерами промышленности (Breznitz, 2014; Campbell, 2013; Shaw, 2013). Шири Брезниц (Shiri Breznitz) (2014) недавно указал, что роль университета в экономическом развитии не привязана к какой-либо общей формуле, которая могла бы быть универсально применима к высшим учебным заведениям, но в значительной степени определяется региональными интересами и возможностями, и также различными внутренними особенностями самого университета¹². Это важный момент, особенно в ракурсе модели "тройной спирали" регионального экономического развития, которая объединяет университеты вместе с правительством и промышленностью как главных агентов экономического развития. Совместно работая на разных этапах создания и

передачи знаний, эти три агента делают возможным проведение научных исследований и разработку новых продуктов, аккумулируют совместно разработанные знания и технологии, и культивируют передачу технологий и разработку соответствующей государственной политики¹³. Повышенное внимание к важности региональных интересов и к местному контексту ставит вопрос относительно того, насколько модель тройной спирали применима в тех регионах, где освоение природных ресурсов, а не разработка инновационных технологий или биотехнологий, является ключевой сферой для сотрудничества между университетами, индустрией и государством. Инкубаторы, научные парки, и/или фирмы венчурного капитала могут лучше подойти университетам, расположенным в крупных городах, тогда как университетам, расположенным в населённых пунктах, где доминирует освоение природных ресурсов в региональной экономике, возможно, необходимы другие сферы и другие подходы для взаимодействия с промышленностью и государством.

Именно в этом свете, вопрос поднятый ранее – каковы самые высокие устремления и идеалы сообщества? – является фундаментальным в обсуждении роли университета в экономическом развитии Северной Британской Колумбии. Вряд ли может быть найден единственный и простой ответ на этот вопрос, поскольку разговор о ценностях фундаментален в любом плюралистическом обществе. И все же экономическое развитие, вероятно, соперничает с другими возможными ответами на этот вопрос, что создаёт специфические затруднения для университетов. В случае Университета Северной Британской Колумбии (УСБК), при наличии местных сил, выступающих как в пользу, так и против разработки новых месторождений, гидроэнергии, нефтяных трубопроводов и экспорта СПГ, и при том, что все это существует на фоне давно требующих урегулирования претензий коренных народов на землю, ориентироваться в такой ситуации гораздо сложнее, чем просто осуществлять развитие инновационных технологий и их маркетинг.

Проиллюстрировать данную точку зрения можно и другим примером. Также, как и другие университеты Северной Америки, УСБК находится под давлением со стороны активистов, требующих вывести средства университета из инвестиционных фондов, связанных с нефтью и газом. Активисты обычно сами признают, что вывод инвестиций вряд ли вызовет какие-либо финансовые затруднения у энергетического сектора, и вместо этого подчеркивают возможности, возникающие в сфере образования, улучшение взаимоотношений с общественностью, и моральные причины для отказа в поддержке энергетическому сектору. Они хотят, чтобы университеты возглавили процесс социальных изменений¹⁴. И все же энергетический сектор является ключевой отраслью в Северной Британской Колумбии, и процветание региона связано с данным сектором. Даже несмотря на то, что корпоративные головные офисы находятся за пределами региона, такие корпорации проявляют желание инвестировать и сотрудничать с университетами и колледжами. Пример компании Энбридж,

приведенный в начале данной работы, является лишь небольшой иллюстрацией могущих возникнуть противоречий.

Возможно, переход от общих к конкретным примерам подчеркнет, почему нахождение посреди конкурирующих интересов является особенно проблематичным в местностях, где идет освоение природных ресурсов. Вышеупомянутый пример Северо-Западного Колледжа предполагает, что колледж был втянут – умышленно или нет – в борьбу ценностей, связанных со строительством трубопровода компании Энбридж. Экономическое развитие и корпоративные инвестиции могут быть высшими идеалами для некоторых членов северных сообществ, как и партнерство с крупными корпорациями для обеспечения экономического роста. Также существуют прямо противоположные устремления, нацеленные на сокращение отношений с нефтегазовыми компаниями и на противодействие строительству трубопроводов и добыче ископаемого топлива. Причины для противодействия разработке природных ресурсов могут быть связаны с экологическими проблемами, приоритетами в сфере прав на землю и в сфере самоуправления, или могут исходить из враждебности к внешним по отношению к населённому пункту компаниям. Стороны, как выступающие за разработку ресурсов, так и против нее, стремятся привлечь учреждения высшего образования на свою сторону.

Университет Северной Британской Колумбии является типичным региональным университетом. Его происхождение связано с активным стремлением местного сообщества создать университет "на Севере, для Севера и силами Севера" (Morrison, 2014). Действительно, политическая воля создать УСБК явилась следствием кампании, развернутой общественностью, в ходе которой 16 000 северян выступили в пользу создания университета. Это было гораздо больше, чем просто лоббирование увеличения государственных расходов в Северной Британской Колумбии. Университет предназначался с самого начала для того, чтобы создать дополнительные возможности для жителей севера, формулировать и защищать их интересы, создавать новые возможности для роста и развития, и основательно преобразить отдаленные районы провинции. Через двадцать пять лет после своего основания он стал ключевым действующим лицом в Северной Британской Колумбии. В настоящее время на территории провинциального севера ежегодно находят работу гораздо больше выпускников этого университета, чем всех остальных университетов Британской Колумбии, вместе взятых. Университет также зарегистрировал марку «Зеленый Университет Канады» (Canada's Green University™), хотя эта марка и появилась без полного обсуждения последствий присвоения такого титула. Как УСБК должен позиционировать себя в продолжающихся дебатах про трубопроводы, оценку воздействия на окружающую среду, мегапроектов по строительству ГЭС, и добычи полезных ископаемых? Конкурирующие воззрения по отношению к разработке ресурсов, от BANANA («ничего нигде вообще не надо строить») и NIMBY («не на моем заднем дворе»),

до экономики фронта, перекликающейся с тем, как экономическое развитие осуществлялось в прошлом – все это является частью риторики. Хотя большинство жителей севера находятся где-то между этими крайностями, очень часто это безмолвное большинство. И поскольку соответствующие дебаты затрагивают университет, или иногда даже исходят из него, общество ожидает, что университет заявит о своей позиции по таким вопросам, как вывод инвестиций, оппозиция по отношению к ископаемым ресурсам и трубопроводам, или напротив, о своей поддержке того или иного проекта.

Так как УСБК позиционирует себя как Зеленый Университет Канады, может быть высказан (и высказывался) логичный аргумент о том, что он обязан вывести университетские средства из нефтегазового сектора, должен присоединиться к кампании против возведения дамбы в локации С, или выступить с предупреждением местному населению о высоких социальных издержках разработки нового месторождения. Имеются дополнительные аргументы о том, что, следуя примеру Северо-Западного Колледжа, университет должен воздержаться от принятия средств от нефтегазовых компаний. В то же время, логика таких аргументов может быть продолжена далее вопросом – какие средства университет может принимать? Так как УСБК является государственным университетом, получающим большую часть финансирования от провинциального правительства, должен ли университет тогда воздержаться от любых средств провинциального правительства, полученные в форме налогов от нефтегазового сектора? Должен ли университет принимать иностранных студентов из стран экспортеров углеводородов, если оплата за обучение внесена их правительством? Иными словами, обязательно ли получение студенческой стипендии от компании Энбридж предполагает, что университет или колледж заключили союз с инвестором? Любой студент имеет возможность выбора: подать на получение стипендии, или даже отказаться от нее. У них должно быть право решать, а другие могут соглашаться или не соглашаться с таким решением. Университет или колледж также имеют право решать, однако следует учитывать вовлеченные устремления и идеалы. В этом ракурсе, если поддаться на давление любой стороны спора, возникает риск упрощения вопроса об экономическом развитии до двойственной системы. Между «да» и «нет» имеется спектр возможных вариантов, при которых многие северные сообщества могут сделать выбор в пользу экономического развития. Данный спектр вариантов включает вариант выборов и возможностей для университетов по участию в экономическом развитии в партнерстве с корпорациями, правительствами, и местным населением в сфере образования и подготовки кадров, проведения важных исследований, формирования и проведения дискуссий по различным вопросам и проблемам, связанными с конкретными проектами, с мониторингом и оценкой проектов посредством таких методик, как контроль состояния окружающей среды и восстановление почвы.

Со своей стороны, УСБК активно участвовал в таких инициативах. Строительство биотопливной энергостанции на кампусе, расположенном в городе Принц Джордж, например, сократило потребление углеводов на нужды отопления кампуса на 80 процентов¹⁵. Станция экологично сжигает до шести тонн отходов от местной пилорамы (стружки, кора, опилки) каждый год, и это пример технологии, подходящей для северных населенных пунктов. Другой пример – это январь 2014 года, когда проводилась конференция суммарному эффекту от разработки природных ресурсов при поддержке Комиссии Британской Колумбии по нефти и газу и профинансированная тремя исследовательскими институтами УСБК (Институтом по исследованию природных ресурсов и экологии, Институтом здравоохранения, и Институтом по развитию населенных пунктов), посвященная последствиям проектов по освоению природных ресурсов в Северной Британской Колумбии¹⁶. Еще один пример – поддержка провинциальным правительством новой программы по присвоению ученой степени в сфере дизайна по дереву при УСБК, которая будет содействовать проведению исследований дерева как материала, и других продуктов лесного хозяйства. Такие примеры партнерства демонстрируют, что сотрудничество с корпорациями, правительствами, местными сообществами и университетом может быть выгодно для северного населения и экономического развития. Такие усилия могут не укладываться в модель тройной спирали, и не обязательно ведут к коммерциализации новых технологий. Но они подходят к устремлениям общества и способствуют экономическому развитию. Родригес и Мело (Rodrigues and Melo) (2013) указывают, что за пределами модели тройной спирали и передачи технологий, региональное экономическое развитие также требует создания институциональных возможностей, которые способствуют мобилизации и развитию.

УСБК на текущий момент занимается таким созданием возможностей в соответствии со своим мандатом. Это тот вид деятельности, который институты высшего образования – особенно те, которые возвращают и заботятся о высших устремлениях и идеалах общества – должны осуществлять. Около десяти лет назад, президент УСБК Чарльз Жаго (Charles Jago) отметил, что:

Для жителей Британской Колумбии, и особенно для тех, кто живет в населенных пунктах, зависимых от освоения природных ресурсов, будет вредна ситуация, при которой энергетический сектор Британской Колумбии будет развиваться преимущественно как индустрия фронта, обслуживаемая временными и непостоянными работниками, зависящая от интеллектуального капитала из других юрисдикций, и приносящая лишь незначительную краткосрочную выгоду региону, за счет которого она получает прибыль¹⁷.

Северные населенные пункты ищут возможности для устойчивого экономического развития и здорового существования, для экономического и социального процветания. Роль регионального университета в северном экономическом развитии – культивирование успеха в обеих сферах.

Автор

Джон Янг (John F. Young) – доцент кафедры политологии в Университете Северной Британской Колумбии.

Благодарность

Автор благодарит Роба ван Адрихема (Rob van Adrichem) и анонимного рецензента за полезные комментарии и предположения в подготовке данной работы.

Примечания

¹ Пресс-релиза уже нет на сайте колледжа. См. «Новые стипендии предоставлены студентам NWCC» от 4 марта, 2014, <http://nationtalk.ca/story/new-bursary-awards-for-nwcc-students/>

² Оценки издержек менялись с течением времени. Текущие долларовые значения выросли до 7.9 млрд. канадских долларов с оценочных 6 млрд. канадских долларов два года назад. См. например: «Энбридж сообщает, что функционирование трубопровода Нортерн Гэйтвэй вряд ли начнется в 2018», <http://www.reuters.com/article/2014/09/04/enbridge-northerngateway-idUSL1NOR51OT20140904>, и Ян Бейли (Ian Bailey): “Премьер сохраняет молчание насчет того, сколько будет стоить утверждение трубопровода в Британской Колумбии», *Globe and Mail*, 3 августа, 2012, <http://www.theglobeandmail.com/news/british-columbia/premier-stays-mum-on-how-much-bcs-pipeline-approval-will-cost/article4462723/>.

³ См., например, «Декларацию о спасении реки Фрейзер» (“Save the Fraser Declaration”), <http://savethefraser.ca/> подписанную представителями 130 коренных народов, включая 48 народа, идентифицированных в качестве народностей, расположенных в пределах бассейна реки Фрейзер (Fraser).

⁴ Опрос по трубопроводу Нортерн Гэйтвэй в Британской Колумбии, проведенный компанией Блумберг-Нанос (Bloomberg-Nanos) в июне 2014, <http://www.nanosresearch.com/library/polls/POLNAT-S14-T607.pdf>. Результаты данного опроса вышли позднее, вслед за рядом не согласующихся между собой опросов, профинансированных компанией Энбридж и организацией ФорестЭтикс (ForestEthics), которые, соответственно, утверждали, что большинство населения за и против проекта. См. «Жители Британской Колумбии поддерживают трубопровод Нортерн Гэйтвэй: Опрос» в *Нэшенел пост (National Post)*, от 5 января, 2012 года; см. также «Более половины жителей Британской Колумбии против трубопровода Нортерн Гэйтвэй, согласно опросу», *Ванкувер Сан (Vancouver Sun)*, 12 апреля, 2012.

⁵ См. например Статистику Канады “Таблица А.34: Валовой внутренний продукт на душу населения, Канада, провинции и территории, 2005/2006 до 2009/2010 (в текущем долларовом эквиваленте),” <http://www.statcan.gc.ca/pub/81-595-m/2011095/tbl/tbla.34-eng.htm> .

⁶ *Тайм (TIME)* 88:14, Сентябрь 30, 1966

⁷ Мэтью Робинсон (Matthew Robinson), “Федералы отклонили проект рудника «Нью Просперити» компании Тасеко из-за экологических рисков” *Vancouver Sun*, Февраль 26, 2014,

<http://www.vancouversun.com/news/Feds+reject+Taseko+Prosperity+Mine+over+environmental+concerns/9555588/story.html>

⁸ См., например, отчеты Министерства Британской Колумбии по охране окружающей среды касательно нештатных ситуаций, и обновления таких отчетов,

<http://www.env.gov.bc.ca/eemp/incidents/2014/mount-polley/>

⁹ См. “Возможности для СПГ в Британской Колумбии: Отделение риторики от реальности – Часть 1,” *Бюллетень по вопросам окружающей среды и энергетики (Environment and Energy Bulletin)*, Деловой Совет Британской Колумбии 6:3, Июнь, 2014.

¹⁰ Статистика Британской Колумбии, “Перепись населения муниципалитетов Британской Колумбии, с 1921 по 2011 гг.,” <http://www.bcstats.gov.bc.ca/StatisticsBySubject/Census.aspx>.

¹¹ Статистика Британской Колумбии,

<http://www.bcstats.gov.bc.ca/StatisticsBySubject/Demography/PopulationEstimates.aspx>.

¹² Исследование Брезниц рассматривает Йель (Yale), Кембридж (Cambridge) и индустрию биотехнологий. Заключение ее работы, однако, подчеркивает важность лидерства и структур внутри университета как общественного института, а также региональных и национальных экономических возможностей. Breznitz, *Fountain of Knowledge*.

¹³ См. Н. Etzkowitz и L. Leydesdorff (ред.), *Университеты и глобальная экономика знаний: тройная спираль отношений университет-промышленность-государство* (Лондон: Pinter, 1997); Н.

Etzkowitz, “Инновации в сфере инноваций: Тройная спираль отношений университет-промышленность-государство” *Social Science information* 42:3 (2003) 293–337; Carlos Rodrigues и Ana I. Melo, “Модель тройной спирали как стимул для местных мер по развитию: Перспектива, основанная на опыте,” *International Journal of Urban and Regional Research* 37:5 (Сентябрь, 2013) 1675–87.

¹⁴ См., например, открытое письмо Совету управляющих Университета МакГилл (McGill) от организации Фоссил Фри Канада (Fossil Free Canada), июль 30, 2013, по <http://www.gofossilfree.ca>, Июль 30, 2013. См. также дискуссии, проведенные в Йельском университете Бобом Масси (Bob Massie), “Почему американские университеты должны вывести инвестиции из компаний, связанными с углеводородами,” и Робертом Ставинсом (Robert N. Stavins), “Вывод инвестиций не является заменой реальным действиям по борьбе с изменением климата”, http://e360.yale.edu/feature/counterpoint_robert_stavins_divestment_no_substitute_for_real_action_on_climate/2749. Движение по выводу инвестиций не ограничивается Северной Америкой: в энергетически богатой Норвегии, Норвежский Национальный Комитет по этике в науке и технологиях (NENT) подверг сомнению этичность сотрудничества университетов с нефтяными компаниями, и предложил, чтобы университеты дистанцировались от такого рода сотрудничества, и от исследований в области нефтехимии в целом. NENT утверждает, что такие исследования этически безответственны, если они противоречат целям ООН в сфере изменения климата. “Комитет по этике – университетам: исследования в области нефтехимии могут быть неэтичными,” <http://350.org/ethics-committee-to-universities-oil-research-can-be-unethical/>.

¹⁵ См. “Энергетические инициативы, фаза 2: биотопливная энергостанция,”

<http://www.unbc.ca/green/energy/bioenergy-plant>

¹⁶ Сайт и программа конференции, а также краткие выводы, доступны по адресу:

<http://www.unbc.ca/health-research-institute/cumulative-effects>.

¹⁷ Charles Jago, “Взгляд из сферы образования на стратегические аспекты новой энергетической политики Британской Колумбии: Заключительный доклад Целевой группы по энергетической политике” презентация *Energy Summit* (Форт Сэнт Джон, Британская Колумбия, Январь 31, 2003).